

Цзян Хуай фыркнул:

— А на кой мне сдалась твоя одежда? — Он сунул руки в карманы и повернулся: — Я пошел.

Цзян Хуай редкий раз решил пообедать в школьной столовой. На то, чтобы поесть, у него ушло десять минут, а на очередь — полчаса. Эта эффективность уступала даже доставке еды.

Выйдя из столовой, Цзян Хуай вернулся в корпус Сюэли и зашел в комнатку для кружковой работы на первом этаже. Бо Цзянь дал ему запасной ключ от помещения.

Но ключ Цзян Хуаю не пригодился: председатель Бо пришел раньше него.

Цзян Хуай вошел, без лишних слов бросил запасной ключ обратно Бо Цзяню и включил его компьютер.

— Какой пароль? — но едва произнеся это, Цзян Хуай нахмурился и поправился: — Ладно, подойди сам введи...

— Последние шесть цифр твоей даты рождения, — сказал Бо Цзянь.

Цзян Хуай поднял голову:

— Что?

Бо Цзянь, наливавший воду, беззаботно ответил:

— Только что поменял. Вдруг ты придешь раньше меня, захочешь воспользоваться компьютером и не угадаешь.

Цзян Хуай: «...»

Цзян Хуай не захотел ничего отвечать, снова опустил голову и скопировал аудиофайл на компьютер Бо Цзяня.

Бо Цзянь разбавил воду в одноразовом стаканчике, сделав ее теплой, и протянул ему:

— Лекарство принял?

— Принял, — Цзян Хуай взял стакан. — Спасибо.

На улице непрерывно моросил дождь, но двери и окна комнаты были плотно закрыты, поэтому здесь было довольно тепло. На Цзян Хуае сегодня было худи с капюшоном, который он так и не снял. Край капюшона был глубоким, и стоит ему опустить голову, как Бо Цзяню не видно ни его лица, ни косички.

Бо Цзянь стянул с Цзян Хуая капюшон:

— Обзор не закрывает?

Цзян Хуай, казалось, напрягся, но не повернул головы и быстро натянул капюшон обратно... Бо Цзянь прижал капюшон рукой. Цзян Хуай обернулся, слегка раздраженно бросив:

— Отпусти.

Бо Цзянь слегка приподнял бровь:

— Ты плакал?

Уголки глаз Цзян Хуая покраснели, они были влажными, со следами слез, которые еще не высохли. Хотя Цзян Хуай и сохранял хмурый, напряженный вид... выглядел он при этом жалостно, будто его кто-то обидел до слез.

— Нет, — как только Бо Цзянь слегка ослабил хватку, Цзян Хуай мгновенно затянул капюшон обратно. — Простыл, в носу щиплет.

Бо Цзянь нагнулся к нему:

— Так ты плакал или нет?

— Нет. — У сильных людей слезные железы отсутствуют.

— Правда?

Цзян Хуай нетерпеливо нахмурился:

— Плакал я или нет — не твое собачье дело. Встань подальше, простуда заразна.

Бо Цзянь усмехнулся и не стал развивать эту тему. Когда Цзян Хуай скопировал файл, он услышал вопрос Бо Цзяня:

— Сун Цзюнь — бисексуал?

В мире АВО понятия бисексуальности достаточно размыты. Для Омеги любили ли они Альфу или Бету — все считалось нормальным; для Альфы любить Омегу или Бету — тоже... Определение бисексуальности не было столь четким, как гомосексуальность, когда Альфа испытывает влечение к Альфе, а Омега — к Омеге. Это также называлось «влечением вопреки феромонам» и противоречило человеческому инстинкту размножения.

Если Омега состоял одновременно в отношениях типа Омега-Альфа и Омега-Омега, только это по-настоящему считалось «бисексуальностью».

Цзян Хуай не ответил.

Спустя долгое время он сказал:

— Сун Цзюнь не бисексуал, он просто чистейший мусор.

Цзян Хуай кликнул по аудиофайлу.

Запись длилась всего секунд тринадцать-четырнадцать, сквозь шумы пробивались глухие звуки ударов, смутный плач и звуки борьбы. Голоса звучали едва различимо.

«...Мы оба Омеги, я все равно не могу тебя пометить... Раздвинь ноги, дай мне кайфануть, не дергайся! Дернешься еще раз — забью до смерти!»

Цзян Хуай скривил губы в холодной ухмылке:

— Какое это имеет отношение к бисексуальности, если дело вообще не в чувствах?

Запись автоматически пошла по второму кругу, и Цзян Хуай выключил ее.

— Омеги входят в период гона только в восемнадцать лет. Без влияния гона и феромонов... чем Сун Цзюнь для Омеги отличается от Беты? — произнес он.

Порой слабость слабого служит ему маскировкой.

Бо Цзянь ненадолго замолчал. Больше ничего по этой теме он говорить не стал:

— Эту запись нужно очистить от шумов. Слишком много помех, большинство слов не разобрать.

Цзян Хуай с холодным выражением лица смотрел в монитор:

— Угу.

В дверь комнаты постучали: «тук-тук-тук».

Бо Цзянь посмотрел на Цзян Хуая.

Цзян Хуай поднялся:

— Это Ни Ли. Я открою.

За дверью стояла Ни Ли. Она чуть опустила голову, одетая в школьную форму, и сжимала за спиной нервно сплетенные пальцы. Когда она заговорила, ее голос дрожал:

— Цз-Цзян Хуай...

Ни Ли боялась, но не Цзян Хуая.

Ей не нравилась эта комната. В прошлом семестре Сун Цзюнь точно так же назначил ей встречу здесь. Какое-то время у нее подкашивались ноги от одного вида двери этой комнаты на первом этаже.

— Заходи, — сказал Цзян Хуай.

Ни Ли, сжимая пальцы и не поднимая головы, ответила:

— Хорошо.

Лишь переступив порог, она заметила председателя студенческого совета, сидевшего за длинным столом. Разумеется, Ни Ли знала Бо Цзяня, но была уверена, что он ее не знает. Она беспокойно взглянула на Цзян Хуая:

— Сегодня что-то случилось?

Цзян Хуай внезапно запнулся, не зная, как завести разговор. Он глубоко вздохнул и отодвинул стул:

— Сначала присядь.

Ни Ли тревожно посмотрела на него и с колебанием спросила:

— Это... со мной связано?

Цзян Хуай уклончиво ответил:

— Вроде того.

Думая, как лучше начать разговор, он пододвинул Ни Ли стакан воды, который только что налил председатель Бо и к которому Цзян Хуай еще не прикоснулся:

— Выпей воды.

Председатель Бо мельком глянул на Цзян Хуая.

Ни Ли о чем-то догадалась, и ее лицо побледнело.

Бо Цзянь поднялся и пододвинул Ни Ли лист бумаги.

На нем были отпечатаны личные данные незнакомой девушки-сверстницы и ее небольшая фотография. Ни Ли в растерянности и страхе спросила:

— Что это?

Бо Цзянь слегка улыбнулся и ответил без обиняков:

— Следующая жертва изнасилования Сун Цзюня.

Ни Ли задела рукой стаканчик, опрокинув его, и побледнела как полотно.

— Это произойдет в эти выходные, — мягкий и чистый голос Бо Цзяня звучал успокаивающе. — Сун Цзюнь договорился встретиться с ней наедине в воскресенье... Я полагаю, вероятность того, что он нападет, крайне высока.

Ни Ли застыла, словно онемев.

Бо Цзянь продолжил:

— Похоже, Сун Цзюнь усвоил прошлый урок, поэтому на этот раз все произойдет за пределами школы. И шанс, что у него все получится, очень велик.

Цзян Хуай поднялся с места:

— Бо Цзянь, хорош...

Они позвали Ни Ли, чтобы спросить, согласится ли она сотрудничать с полицией и подтвердить, что Сун Цзюнь помогался ее... Зачем Бо Цзянь говорит ей все это?!

Ни Ли молчала.

Бо Цзянь улыбнулся:

— Если она, как и ты, предпочтет молчать, останется только ждать, пока заговорит третья жертва. — Или четвертая, пятая, шестая? — медленно произнес он.

Ни Ли опустила голову, ее плечи бессильно опустились.

Цзян Хуай стоял, не зная, вмешаться ли в разговор или молча сесть обратно. Простояв так некоторое время, он потянул за край капюшона.

Бо Цзянь обращал слова не к нему. С абсолютно невозмутимым видом он произнес:

— Те, кто молчит, имеют право молчать. Но в конечном счете цену за их молчание вынуждены платить те, кто подает голос за них. Ни Ли, у тебя нет права заставлять других расплачиваться вместо тебя.

Цзян Хуай опешил и нахмурился.

Изначально он лишь хотел узнать, согласится ли Ни Ли дать показания, а если нет — попытаться ее убедить... Но если бы она твердо отказалась, он ничего не смог бы поделать. Однако Бо Цзянь своими словами фактически лишил ее права на отказ.

Цзян Хуай не смог бы сказать такое, но и требовать от Бо Цзяня более мягких слов у него не было права.

Голова раскалывалась.

Ни Ли по-прежнему не роняла ни слова, но ее лицо становилось все более бледным.

Цзян Хуай этого не уловил, но скрытый подтекст слов Бо Цзяня Ни Ли поняла прекрасно.

Цену молчания платят те, кто подает голос...

Он винил ее в том, что если она не пойдет на сотрудничество, той Омеге, которой грозила опасность, придется расплачиваться за ее стремление к притворному спокойствию, и еще больше Омег пострадает из-за молчания тех, кто был до них... А также винил в том, что она взвалила весь этот груз на плечи Цзян Хуая.

Спустя долгое время Ни Ли едва слышно прошептала:

— Тогда обо мне можете не беспокоиться. — Она поднялась и, не поднимая головы, задвинула стул: — Я скажу родителям... Наверное, они переведут меня в другую школу, так что вам не о чем переживать.

Она поклонилась Цзян Хуаю и дрожащим голосом произнесла:

— Спасибо... Извини.

Цзян Хуай растерялся:

— В другую школу?

Ни Ли опустила голову, стиснув пальцы до боли:

— Мои родители очень традиционных взглядов.

Цзян Хуай нахмурился:

— ...Они даже не позволят съездить в участок дать показания?

Ни Ли подняла взгляд:

— ??

Она неловко взглянула на Бо Цзяня и смутилась еще сильнее. Ни Ли не знала, сколько именно Цзян Хуай рассказал Бо Цзяню... А может, рассказал все.

— Сун Цзюнь может... может выложить мои...

<http://bllate.org/book/18377/1766541>